

Прогностика Александра Панарина: трансцендентальные культурные категории и глобальный когнитивный континуум

Статья рекомендована А.Н. Райковым 17.01.2018.

БУНДИН ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

Кандидат юридических наук, помощник ректора, доцент Центра инновационных образовательных проектов Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица

Аннотация

Культура как совокупное выражение исторического опыта цивилизационного развития в ее материальных и духовных формах, отражая традиционную систему ценностей, выступает ключевым элементом внесения человеческого измерения в механизм построения глобального когнитивного континуума. Потенциал культуры, бытующий в качестве априорных культурных категорий на уровне архетипов коллективного бес-сознательного, включенный в информационные процессы, обеспечивает единство оценок и согласованность подходов различных стран в вопросах выбора целей, путей и средств цивилизационного развития.

Ключевые слова:

информационное общество, культура, цивилизация, развитие, когнитивный континуум.

Творческое наследие выдающегося русского мыслителя А. С. Панарина продолжает удивлять нас своим эвристическим богатством. Исключительно актуальным, в контексте современной мировой динамики, представляется практическое осмысление его гносеологических идей, которые позволяют формулировать философские основания российской политики построения информационного общества в условиях глобальной нестабильности.

Прогностика Александра Панарина рассматривается нами в философском контексте как часть (разновидность) гносеологии, ориентированная на познание будущего — его предвосхищение, обусловленное субъективно необходимым, которое, в свою очередь определяется культурой, точнее — априорными культурными категориями, отражающими накопленный исторический опыт общественного бытия — совместного проживания и деятельности людей.

Развивая идеи И. Канта, А. С. Панарин в своих работах убедительно показывает особую роль и место традиционной культуры в обществе, понимаемой, прежде всего как выражение общечеловеческих начал в современном миропорядке. И вводит новую гносеологическую, в смысле — прогностическую категорию — футурологическую «трансцендентальную эстетику», понимаемую им как «познание вдохновительной стороны мира — тех его измерений, которые вызывают субъективно необходимую реакцию — безотносительно того, что советует нам рефлексия», которая «исследует априорно заданные реакции общества на будущие события, ценностный статус которых задан нашей культурой» [1, с. 43]. Учение А. С. Панарина о трансцендентальной эстетике, вне всяких сомнений, сегодня может служить в качестве философского инструментария выработки и реализации политики Российской Федерации в интересах обеспечения национальной безопасности.

Выбор национальной стратегии России в условиях глобальной нестабильности связан с решением комплекса задач, обеспечивающих стабильное

функционирование основных сфер общественной жизнедеятельности и собственное целостное устойчивое развитие в качестве самодостаточного суверенного субъекта мировой политики. В этой связи требуется принятие мер, адекватных внешним и внутренним угрозам устойчивого развития. В первую очередь, недопущение экспорта агрессивных социальных технологий и экономических стратегий глобализма, чреватых потерей суверенитета и утратой территориальной целостности в угоду интересам транснациональных корпораций и международных финансовых структур.

С другой стороны, национальная стратегия должна носить не традиционно оборонительный, а наступательный, развивающий характер, внося упорядоченность и стабильность в общемировое развитие в качестве необходимого условия и гарантии собственного устойчивого тренда. С философской точки зрения, граница имеющего место противостояния национальных интересов ведущих мировых держав сегодня проходит по линии различия западноевропейской культуры прагматизма, с ее императивами полезности идей и относительности истины, и традиционной культуры гуманизма и справедливости, которая в русском сознании лаконично формулируется библейской фразой «не хлебом одним жив человек».

Ущербность западного прагматизма в том, что он исключает традиционные нравственные ориентиры. Именно в их преодолении суть характерных для западной ментальности сомнений на путях веры в полезность (прагматичность) идеи (материального обогащения) и ее успеха.

Весьма перспективным, в свете изложенного подхода, видится национальная стратегия, предусматривающая актуализацию трансцендентальных культурных категорий, характерных для российской духовности и выражающих ее цивилизационное наследие. В данном контексте исключительно своевременными представляются философские идеи А. С. Панарина в части определяющей роли культуры в общественном прогрессе [1, с. 41–52]. Именно культура, сама являясь продуктом человеческой деятельности, очеловечивает человека, изменяет его внутренний мир, наделяет окружающий мир человеческими смыслами, предвосхищает значимые для него события и пробуждает творческие начала.

Глубинная причина глобальной неустойчивости сегодня кроется в том, что западноевропейская цивилизация, претендующая на роль локомотива истории, будучи по своим смыслам цивилизацией рассудка, исчерпала свой ресурс развития и вступила в стадию стагнации. На истощение потенциала модели финансово-олигархического капитализма и парадигмы «человек для экономики» как на фактор текущего мирового развития сегодня указывают и авторитетные отечественные ученые [2], и их зарубежные коллеги [3]. Собственно говоря, «сработало» то, о чем еще писал И. В. Киреевский в середине XIX века: «...торжество ума Европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений; потому что при всем богатстве, при всей можно сказать громадности частных открытий и успехов в науках, общий вывод из всей совокупности знания представил только отрицательное значение для внутреннего сознания человека; потому что, при всем блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни самая жизнь лишена была своего существенного смысла...» [4, с. 176]. В «угаре» экономического роста, собственно человек оказался на обочине западноевропейской истории.

В лихорадочных поисках выхода из «прогрессирующего тупика» западно-европейская цивилизация сегодня пытается переложить ответственность за глобальные кризисы на чужие плечи, инспирируя череду цветных революций и провоцируя масштабные террористические движения. Однако агрессивные рыскания по миру лишь усиливают ее историческую агонию.

Консерватизм правящих кругов и пессимистический релятивизм интеллектуальных элит, взращенные на философии прагматизма, в условиях интенсивного развития информационного общества неотвратимо ведут к точке бифуркации, чреватой социально-экономическим коллапсом с трудно предсказуемыми последствиями. В этих условиях вполне обоснована и оправдана ставка Российской Федерации в решении задач национальной стратегии на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, обладающие значительными территориями, сырьевыми запасами и человеческими ресурсами, сохранившими основы традиционной культуры в ее широком понимании и, в этой связи, в меньшей степени подверженными влиянию модернистских идей и практик западно-европейской цивилизации.

Эффективность такого политического вектора предусматривает создание единого коммуникативного пространства на основе априорных культурных категорий, характерных для всех традиционных обществ и бытующих на уровне коллективного бессознательного. Их архетипы — те самые культурные коды, которые предопределяют становление и развитие цивилизации духа, как альтернативы западноевропейскому модерну и гаранта глобальной стабильности. В диалектике публичного и частного интересов, эксплицирующей механизм общественного развития вновь призывается на ведущую роль человеческий фактор всеединства, упорядочивающий и гармонизирующий общественную жизнь в региональных и глобальных измерениях.

Традиционная культура, выражающая систему общечеловеческих ценностей, становится действенной альтернативой «мягкой силе» в ее западноевропейском понимании как навязыванию унифицированных стандартов поведения и стилей жизни, обеспечивающих историческую гегемонию цивилизации рассудка. Более того, эта альтернатива все больше находит питательную почву в самих западных обществах, сильно стратифицированных по социально-экономическим и идеологическим параметрам и переживающим духовное давление масштабной миграции представителей традиционных обществ. Современная история все чаще являет нам примеры альтернативного мышления западных элит, осознающих недостаточность одних материальных благ на путях достижения человеческого счастья, жизненную важность поиска и реализации новых подходов в решении актуальных задач общемирового развития, взыскующих пищи духовной и морального удовлетворения.

Релятивистское уныние западных интеллектуальных элит, связанное с потерей уверенности в будущем, трактуемым не иначе как «царство беспредела», сегодня находит свое выражение в множестве так называемых «арт-практик», претендующих на статус современного искусства, усиленно внедряется в общественное сознание населения подверженных глобализму третьих стран. Его преодоление возможно лишь на путях наложения на «таинственный хаос» будущего рамки субъективно необходимого. «Мы познаем мир в той мере, в какой мы действительно живем в нем и «задеты им» [1, с. 42]. Добавим, и реагируем

на него, и преобразуем его в соответствии с жизненными стратегиями, определяемыми культурной традицией.

Данная теоретическая новелла А. С. Панарина в раскрытии содержания его учения о глобальном политическом прогнозировании убедительно объясняет искреннее удивление западных стратегов и политтехнологов о непредсказуемости реакции российского общества и его лидеров на проводимые ими мероприятия и операции по реализации концепции американского глобального лидерства. И в очередной раз подтверждает гениальное изречение великого русского поэта Ф. И. Тютчева, тонко уловившего цивилизационную специфику своей страны: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить».

Ситуация глобальной неустойчивости выступает ярким свидетельством исчерпанности возможностей рациональных технологий глобального социального прогнозирования и проектирования, характерных для цивилизации рассудка. Более того, именно традиционная культура, генерирующая ценностные значения любых общественных фактов и событий, создающая программу и партитуру общественного действия обеспечивает иммунитет национальных государств против инъекций чумы глобализма. И, таким образом, выступает гарантом их суверенного и устойчивого развития.

В условиях спрогнозированного И. В. Киреевским «торжества разрушительной рассудочности» евроамериканских правящих кругов, постоянно провоцируемой ею «тревожности духа» интеллектуальных элит, растущих «чувств недовольства и безнадежности», последние в поисках выхода из духовного тупика оказываются весьма восприимчивыми к точкам зрения, основанным на априорных культурных категориях, позволяющих взглянуть на мир другими глазами, увидеть его целостность и взаимосвязь, осознать его непреходящие человеческие смыслы в традициях русской духовности.

Предложенная А. С. Панариным футурологическая трансцендентальная эстетика, преодолевающая рефлексию рассудка, определяет особый ценностный статус культуры в качестве аттрактора прогностических усилий и инструмента политического действия. «Культура как совокупность верований и норм, традиций и ценностей задает определенные программы развития» [1, с. 44]. И чем сильнее априоризм культуры, отмечал А. С. Панарин, — прочность традиций, спаянность ценностей, норм и идеалов, тем выше ее способность выстраивать антиэнтропийную (в нашем контексте — антиглобалистскую) стратегию [1, с. 46].

В контексте изложенного выше подхода требует корректировки политика построения информационного общества как собственно в Российской Федерации, так и в региональных и глобальном масштабах. В настоящее время, ни в коей мере не отказываясь от многостороннего развития цифровой экономики, тем не менее, исключительно актуальным представляется решение задач построения информационного общества с учетом возрастающей роли культуры в условиях смены парадигмы: не «человек для экономики», а «экономика для человека», обеспечивающей внесение человеческих смыслов в параметры социально-экономического развития.

Предлагаемая корректировка политики построения информационного общества побуждает вновь вернуться к вопросу о современном статусе и роли культуры в нашей стране. Включение культуры в сферу социальных услуг и доминирование в ней коммерческих стратегий, по сути, свели ее к досугу

и развлечению, выхолостили ценностные основания и сделали утвержденные указом Президента России «Основы государственной культурной политики» только декларацией о намерениях. Особую озабоченность в этой связи вызывает разработка Министерством финансов Российской Федерации проекта федерального закона "О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере", который в известном смысле призван завершить процесс разгосударствления социальной сферы, включая, естественно, и сферу культуры. Нельзя не согласиться по этому поводу с мнением профессионального экспертного сообщества о том, что «в бюрократических структурах по-прежнему доминирует фундаментальное непонимание того, что на самом деле значит культура и искусство в жизни каждого отдельного человека и нации в целом» [5]. Принятие закона чревато высоким риском выведения сферы культуры на рынок услуг и ее окончательной деградацией под гнетом коммерческих интересов.

Очевидная недооценка роли и места культуры в ряде случаев делает ущербной как социально-экономическую политику в целом, так и политику построения информационного общества, которая за неимением собственных ориентируется на чуждые нравственные ценности и ориентиры, нивелирует духовные основания проводимых реформ. В связи с этим Россия нуждается в неотложном комплексе мер по реанимации ценностей традиционной культуры как фактора общественного развития и гаранта устойчивого его тренда. В числе объектов такого рода мер главное место занимает сфера искусства и художественной культуры в целом.

Таким образом, можно констатировать, что важнейшим инструментом выработки и реализации национальной стратегии в условиях развития информационного общества и глобальной нестабильности может служить предложенная А. С. Панариным футурологическая трансцендентальная эстетика. Она способна, в отличие от рациональных дедуктивных процедур, прогнозировать не события, а социально-исторические смыслы этих событий, провоцируя их осуществление с опорой на априорные культурные категории и делая предсказуемыми реакции на внешние вызовы. Этим реализуется глубинный смысл традиционной культуры, олицетворяющей самоорганизацию эволюционно сложившихся естественноисторических систем в противовес характерной для модерна рассудочно-бюрократической организации искусственно конструируемых рациональных систем, в том числе, прежде всего, в вопросах построения целостного многополярного мира.

Вопрос тем более важный, что актуальность прогностических усилий сегодня связана с осознанием новых аспектов содержания понятия стратегической стабильности, обусловленных бурным развитием информационных телекоммуникационных инфраструктур и потребностями «смягчения разногласий путем позитивного и конструктивного диалога, укрепления взаимного доверия и сотрудничества» [6, с. 132]. Эти усилия должны быть в первую очередь направлены на выработку единой международной смысловой платформы в глобальном масштабе. Имеющая сегодня место извращенность взаимных информационных обменов, обилие недостоверной, искаженной, субъективной информации и умышленной дезинформации настоятельно требует организации диалога смыслов, а не фактов и тем более их оценок, реализации когнитивного сопряжения

мышления участников в единых теоретико-информационных моделях на основе диалектики целостного единства их многообразия. Важную роль в этом призваны сыграть трансцендентальные культурные категории.

Данный контекст усиливает актуальность построения глобального когнитивного континуума, понимаемого как «многофакторное информационно опосредованное соединение структуры различных сфер человеческой деятельности в рамках определенной сферы функционирования социума, создающее качественно новые возможности осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами знания» [7, с. 23], а также внедрения в информационные среды когнитивного программирования [8], с внесением в них культурного измерения. Таким путем может быть решена задача построения «умных» саморазвивающихся международных управленческих сред, что обеспечит согласование подходов различных акторов мировой политики в вопросах глобального прогнозирования, проектирования и осуществления образа будущего в целостной взаимосвязи составляющих его локальных национальных элементов.

В контексте изложенного, когнитивный континуум рассматривается как распределенная в информационной среде постоянно обновляемая совокупность взаимосвязанных знаний, обеспечивающих постижение смыслов интерпретируемых фактологических сведений о явлениях, событиях и процессах окружающего мира. Учет трансцендентальных культурных категорий позволяет упорядочить когнитивный континуум и реализовать его интегративное качество согласования интересов взаимодействующих субъектов социально-экономического развития в прогнозировании, проектировании и осуществлении целостного образа будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПАНАРИН А. С. **Глобальное политическое прогнозирование.** М.: Алгоритм, 2000. 352 с.
2. ИВАНОВ В. В. **На пороге глобальной гуманитарно-технологической революции** // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов XI Международного симпозиума 16–17 октября 2017 г., Москва. М.: «Когито-Центр, 2017. С. 185–188
3. ДЖОЗЕФ СТИГЛИЦ. **Великое разделение: неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения.** М.: ЭКСМО, 2016. 480 с.
4. КИРЕЕВСКИЙ И. В. **О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России** // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в двух томах / Под. ред. М. Гершензона. Том I. М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. С. 174–222 http://metaparadigma.ru/wp-content/uploads/2016/07/Kireevsky_pss_tom1_1911.pdf (дата обращения 28.09.2017)
5. ШВЫДКОЙ М. Е. ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ КУЛЬТУРУ? // РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА – ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ВЫПУСК. 2017. № 7395 (229). С. 13
6. КАРАСЕВ П. **Актуализация содержания понятия «стратегическая стабильность»** // Материалы XI Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». Гармиш-Партенкирхен, Германия, 24–27 апреля 2017 года. Приложение к журналу «Международная жизнь». М. 2017. С. 129–137
7. ЗЕЛЕНИН Д. В., ЛОГИНОВ Е. Л. **Интеграция интеллектуальных управленческих сред (пространств) как основа модернизации и технологического развития экономики России** // Экономические науки. 2010. № 9 (70). С. 22–25.
8. РАЙКОВ А. Н. **Когнитивное программирование** // Экономические стратегии. 2014. № 4. С. 108–113